

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004
УДК 811.161.1'282.2(470.53) +
+ 811.161.1'373.23(470.53) + 81'373 + 81:39

И. И. Русинова
А. В. Черных
Пермский федеральный
исследовательский центр УрО РАН
Пермь, Россия

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Данная статья представляет собой первую часть общей работы авторов, посвященной русским коллективным прозвищам современного Пермского края. В задачи статьи входят: систематизация материалов, анализ регионального историографического наследия и характеристика источников изучаемых единиц, а также выявление основных особенностей бытования и семантики коллективных прозвищ в регионе. История собирания, публикации и изучения коллективных прозвищ Пермского Прикамья начинается в XIX в., когда они впервые фиксируются в этнографических описаниях; первый свод коллективных прозвищ из более чем сорока единиц был опубликован в 1927 г. известным пермским фольклористом В. Н. Серебренниковым; в конце XX — начале XXI в. В результате интенсивной полевой работы диалектологов, этнографов и фольклористов пермских вузов были накоплены богатые сведения, что создало предпосылки для научной интерпретации антропонимического материала. Собирание и изучение коллективных прозвищ Пермского Прикамья показало их неравномерное распространение в регионе. Это обусловлено как спецификой полевых исследований, так и особенностями заселения края русскими. В настоящее время наиболее многочисленные данные по коллективным прозвищам Пермского Прикамья собраны на территории старожильческих говоров, исторически тяготеющих к Русскому Северу, и в южных — районах позднего заселения. Коллективные прозвища

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

охарактеризованы в статье как важный источник изучения этнокультурных особенностей края. Данные единицы отражают разные признаки территориальных коллективов людей изучаемого региона: черты характера и особенности поведения; своеобразие пермской диалектной речи; пищевые привычки, кулинарные отличия; специфику традиционного костюма, характерного для жителей той или иной территории; занятия, ремесла; социальный статус жителей разных населенных пунктов; географические и климатические характеристики места жительства; миграционную историю. Таким образом, в статье показано, что изученные антропонимические единицы отражают особенности локальной идентичности и создают уникальный этнолингвистический ландшафт Пермского края.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык; русские говоры Пермского края; антропонимия; коллективные прозвища; локальная идентичность; ономастическая лексикография; этнолингвистика

История изучения коллективных прозвищ жителей Пермского края

Изучение коллективных прозвищ, под которыми понимаются неоттопонимические характеризующие наименования жителей населенных пунктов и отдельных территорий, как особой области ономастики значительно активизировалось в последние десятилетия. Наиболее значимыми стали защиты диссертационных исследований Ю. Б. Воронцовой [2002] и Н. В. Дранниковой [2005] и выход монографических исследований [Дранникова, 2004; Калущков, Иванова, 2006], сводного русского словаря коллективных прозвищ [СКП], статей и публикаций материалов [Воронцова, 2014; Осипова, 2017; Макарова, Чекан, 2019; Макарова, Попова, 2020; и др.]. Однако следует констатировать, что эта тематика не исчерпала себя в полной мере. По-прежнему очень неравномерно собран и введен в научный оборот материал по разным регионам России. Так, следует отметить, что материал по Пермскому Прикамью до настоящего времени не систематизирован и крайне фрагментарно отражен в вышедших до последнего времени публикациях и словарях [см., например: Боброва, 2020]. В сводный словарь коллективных прозвищ включено только около четырех десятков номинаций из Пермского края [СКП]. Несомненно, скудость опубликованного материала по региону не означает, что это явление языка и традиционной культуры слабо представлено в Пермском Прикамье. Данная ситуация отражает степень полевого экспедиционного обследования региона, недостаточную систематизацию и изученность анализируемого явления.

В этом контексте авторами и предпринята настоящая публикация, среди задач которой: систематизация материалов по коллективным прозвищам Пермского края, анализ регионального историографического наследия и характеристика источников, а также выявление некоторых особенностей бытования и семантики коллективных прозвищ в регионе.

История собирания, публикации и изучения коллективных прозвищ Пермского Прикамья начинается в XIX в. — именно в этот период они впервые фиксируются в этнографических описаниях, в которых приводятся не только номинации, но и фольклорные тексты и нарративы, даются комментарии, объясняющие происхождение тех или иных прозвищ. Одна из ранних работ, где приведены коллективные прозвища жителей г. Кунгур Пермской губ. и народное объяснение их происхождения, — этнографический очерк А. Н. Зырянова «Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми» [Зырянов, 1856]. Автор, например, не только приводит прозвище *тиканники*, но и предлагает услышанное им объяснение его происхождения: «По народному преданию, в эпоху первого заселения края русскими земель кунгурских татар сильный голод постиг этот край, вследствие чего кунгурцы вынуждены были питаться разными дикими полевыми растениями, в их числе молодыми стеблями борща и дягиля (пиканами)» [Там же, 51]. В другом этнографическом описании — с. Торговижское (Торговищи) Красноуфимского у. — приведены коллективные прозвища жителей села и округа. Среди них номинация *заводишина*, употребляемая для обозначения жителей заводских поселений округа, *мешки* — прозвище, используемое заводскими жителями для соседнего крестьянского населения, и прозвище жителей с. Торговище — *Торговище — запертые ворота* [Гладких, 1913, б]. Таким образом, уже в XIX — начале XX в. благодаря этнографическим материалам и описаниям формируется источниковая база, а бытовавшие и зафиксированные прозвища становятся доступны для научного и общественного дискурса.

В ранних общероссийских публикациях пермских коллективных прозвищ немного. Только пять номинаций из Пермского Прикамья приводятся в разделе «Русь — родина» сборника русских пословиц В. И. Даля [1862; 1957]. В исследованиях Д. К. Зеленина, несмотря на географическую близость Пермского Прикамья сопредельным (по р. Кама) территориям Вятской губ., которым посвящено несколько публикаций ученого, пермских коллективных прозвищ лишь несколько. Это обусловлено тем, что в западной части Пермской губ. Д. К. Зеленин не проводил полевые исследования. Так, в путеводителе «Кама и Вятка» при описании населенных пунктов автор цитирует коллективные прозвища жителей Чердынского края (*щепеды, колдуны, чертовы знахари*) из публикации В. И. Даля [Зеленин, 1904, 101].

Первый свод известных и зафиксированных к тому времени в Пермском Прикамье коллективных прозвищ появился в 1927 г. благодаря известному пермскому фольклористу В. Н. Серебренникову. В небольшой публикации «О народных присловьях» [Серебренников, 1927, 176–177] автор приводит более четырех десятков коллективных прозвищ. Большая их часть относится к Оханскому уезду — родине собирателя. Комментарий автора к публикуемым материалам минимален: «За долгое время записи произведений народного творчества мне удалось записать ряд присловий. Некоторые из этих присловий относятся к жителям

дальних губерний: большинство же присловий касается местного населения. Вот мои записи» [Серебренников, 1927, 176]. Из комментария собирателя следует, что публикуемые коллективные прозвища зафиксированы им самим.

В 1970–1980-е гг. коллективные прозвища (в том числе жителей Урала) становятся предметом изучения свердловских исследователей [Блажес, 1983; Карташова, 1984]. Однако и в их работах пермские материалы почти не нашли отражения, что в первую очередь связано с тем, что активное фольклорно-этнографическое изучение Прикамья и сбор полевого материала только начались.

Вновь ученые обратились к исследованию коллективных прозвищ Пермского края в конце XX — начале XXI в. К этому времени был накоплен значительный пласт диалектологических и этнографических полевых источников, в которых в том числе нашли отражение прозвища жителей тех или иных сел и деревень. Значительная часть собранных материалов вошла в пермские диалектные словари [АС; СПГ; ФСПГ; СРГЮП; СРГСПК, 1].

Собственно коллективным прозвищам Пермского края в настоящее время посвящено несколько публикаций этнографов и лингвистов рубежа XX — начала XXI в. Анализ собранного в полевых исследованиях и опубликованного ранее материала предпринимает Г. Н. Чагин [1999, 117–122; 2011, 207–214]. Автор исследует бытование на Урале нескольких десятков коллективных прозвищ, определяя прежде всего исторический контекст их появления, рассматривает их во взаимодействии с историческими событиями, хозяйственными занятиями и особенностями быта населения. Небольшой раздел о коллективных прозвищах, в том числе с новыми материалами полевых исследований, публикует в учебном пособии «Лингвистическое краеведение» И. А. Подюков [1998]. Раздел «Коллективные прозвища русского населения Прикамья» авторства А. В. Черных представлен в учебном пособии «Русская речь Прикамья» [Русская речь, 2003, 110–117; 2004, 110–117]. В публикации не только приведен большой объем собранных ранее коллективных прозвищ региона — в нее включен новый полевой материал. Автор показал основные группы прозвищ, связанные с особенностями истории формирования русского населения края, его социального статуса, этнографических особенностей. В 2020 г. вышли «Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края» М. В. Бобровой [2020]. Основу этой публикации составляют индивидуальные и семейные именованья, тем не менее несколько коллективных прозвищ в нее вошло.

Таким образом, коллективные прозвища Пермского края лишь эпизодически привлекали внимание исследователей, что связано, с одной стороны, с немногочисленностью материала, с другой стороны — с тем, что данные единицы традиционно находятся на периферии интереса ономастологов. Активизация изучения коллективных прозвищ в последние годы связана с системными многолетними полевыми изысканиями, проводимыми на территории Пермского края,

получением значительного объема нового материала, расширением исследовательской тематики.

Источники коллективных прозвищ жителей Пермского края

Основными источниками для подготовки настоящего исследования стали материалы полевых экспедиций в разные районы Пермского края, проводимые под руководством авторов и других ученых Перми с 1990-х гг. по настоящее время. Привлекались материалы этнографических экспедиций Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, материалы картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края» и диалектологического архива кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, экспедиционные материалы лаборатории этнолингвистики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (рук. И. А. Подюков). Также привлекались данные и из опубликованных источников, прежде всего словарей пермских говоров [АС; СПГ; СРГКПО; СРГСПК; СРГЮП; ФСПГ], этнографических и фольклорных публикаций XIX — первой половины XX в. [Зырянов, 1856; Гладких, 1913; Серебренников, 1927], современных этнографических, фольклорных и этнолингвистических сборников по традиционной культуре русских Пермского края [ЖСТ; УД, 2004; 2018; ЮК]. В свод коллективных прозвищ Пермского края включены и пермские номинации из материалов Топонимической экспедиции Уральского государственного федерального университета (Екатеринбург), вошедшие в «Словарь коллективных прозвищ» [СКП]. Таким образом, для подготовки публикации нами были проработаны все известные источники, которые содержат материалы по коллективным прозвищам Пермского края.

Особенности бытования коллективных прозвищ жителей Пермского края

Собирание и изучение коллективных прозвищ Пермского Прикамья показало ряд особенностей их бытования в регионе. Географическое распространение прозвищ на территории региона неравномерно, что наглядно демонстрируют материалы данной публикации. Значительное число номинаций было зафиксировано в районах, где проводились масштабные полевые исследования. Однако эта особенность лишь отчасти объясняет «белые пятна» в ареальном распространении коллективных прозвищ. Многолетние выезды в ряд районов Пермского края (Чайковский, Бардымский, Уинский и др.) не показали функционирования большого количества коллективных прозвищ на данных территориях. В настоящее время наиболее многочисленные данные по коллективным прозвищам Прикамья собраны в северных — Чердынском и Красновишерском — районах, исторически

тяготеющих к Русскому Северу. Вторым ареалом активного бытования коллективных прозвищ являются районы позднего заселения и освоения русскими — Октябрьский, Чернушинский, Куединский. Здесь переселенцы получали прозвища со стороны старожильского населения или соседей, переселившихся из других районов. Как правило, такие прозвища давались в том случае, если население района формировалось выходцами из разных губерний или разных уездов. Названия территорий, откуда вышли переселенцы, и становились обычно основой для их прозваний. Д. К. Зеленин, анализируя присловья Вятского края, напрямую связал происхождение многих из них с историей формирования населения этого региона [Зеленин, 1994, 59–104]. Притом что значительная часть таких прозвищ имеет оттопонимическое происхождение, часто они оторваны от топонимов и имеют переносные значения. Ср., например, коллективное прозвище *оханы*, которым называли жителей ряда деревень Октябрьского р-на. Оно происходит от названия г. *Оханск* и Оханского у. Пермской губ., откуда и вышли переселенцы, обосновавшиеся в этих деревнях. Для южных районов, значительно удаленных от Оханска, данный топоним не был актуален, оттопонимическое название достаточно быстро стало коллективным прозвищем вне его географической привязки и даже получило различные экспрессивные оттенки значения: «Мама говорила, если мы, ребятишки, объединимся, пузо полное: “Как охан надулся”» (Окт., Биваш). Такие же особенности бытования оттопонимических коллективных прозвищ характерны и для других номинаций — *пермяки*, *чердаки*, *вятские* и под. *Пермяками* в южных районах Пермского края называют выходцев из коми-пермяцких волостей Чердынского у., которые на новой родине были быстро ассимилированы русским населением. Однако в коллективном прозвище до настоящего времени сохраняется память об этом этническом компоненте.

Другой район Пермского края, где в начале XX в. наблюдался массовый приток переселенцев из западных губерний России, — Сивинский. В нем также фиксируются коллективные прозвища, образованные от топонимической основы: *могули*, *могили* (для переселенцев из Могилевской губ.).

Семантическое своеобразие коллективных прозвищ жителей Пермского края

Русские коллективные прозвища подробно рассмотрены в кандидатской диссертации Ю. Б. Воронцовой [2002]. Автор приводит классификацию прозвищ на основе мотивационного контекста. Опираясь на эту типологию Ю. Б. Воронцовой, а при отсутствии контекста — на внутреннюю форму, можно выделить похожие группы пермских номинативных единиц, отражающие разные характеристики коллективов людей.

Довольно большое число коллективных прозвищ, зафиксированных в Пермском крае, можно объяснить историей заселения территории русскими. Встречи

автохтонного и пришлого русского населения, «кержаков» и «мирских», «местных» русских и выходцев из других русских территорий или других районов края, работников горных заводов и «хресьян» окрестных населенных пунктов, представителей разных деревень заставляли разные группы жителей обращать внимание на отличия соседей и фиксировать эти отличия в прозвищах.

1. Одним из мотивов, выделенных Ю. Б. Воронцовой, является указание на **внешний вид** жителей. Такой мотив нечасто встречается в материале, который зафиксирован в Пермском крае. Можно отметить прозвище *востроголовые*, данное жителям с. Острожка Оханского р-на: «Острожана — востроголовые» [Серебренников, 1927, 177]. Отсутствие контекста не позволяет наверняка судить о том, прямое или переносное ('скорый, быстрый' [СРНГ, 5, 150]) значение имеет прилагательное, мотивировавшее прозвище. Однако, опираясь на материалы [Там же, 149], можно сделать заключение об исходной семантике, связанной с формой предмета (ср. костр. *востроголовый* 'остроглавый, островерхий' [Там же]).

2. В прозвищах получают отражение **черты характера и особенности поведения** групп населения, при этом, как правило, номинаторы обращают внимание на отрицательные проявления. Например, жителей д. Грибаны Уинского р-на называют *ащеулами*: «Ащеулами грибанских звали. Они любили людей просмеивать» (Уинск., Телёс) [СРГЮП, 1, 31–32]. В [СРНГ] представлено множество родственных лексеме *ащеул* слов (с фонетическими вариантами на начальные *о-* и *и-* в силу затемненной внутренней формы), распространенных на «акающих» и «окающих» территориях: *ащеул, ощеул, ищеул, ащеула, ощаула, ощеула, ищеула, ащеульник, ощеульник*. Эти слова развивают в говорах разные значения, основное из которых 'тот, кто издевается над кем-, чем-л., насмешник, зубоскал' [СРНГ, 1, 300]. Именно для него указана в словаре наиболее широкая география. На основе данного значения возникают и другие, тоже характеризующие человека с отрицательной стороны: 'хитрый, льстивый, лживый человек; плут, обманщик'; 'завистливый, жадный, любящий поживиться за чужой счет человек' [СРНГ, 25, 103], 'негодяй, бездельник' [СРНГ, 1, 300], 'о злом шутнике, насмешнике как возможном носителе магических знаний и умений' [ЭСМРПК, 479]. Фиксируются в [СРНГ, 1, 300] и слова женского рода *ащеулка, ощеулка, ащеульница*, обозначающие насмешницу, зубоскалку. Географические пометы в [СРНГ] свидетельствуют о том, что единицы с начальным *а-* распространены в акающих говорах (тульских, рязанских, тверских, курских и др.), а единицы с начальным *о-* — на Русском Севере, в Предуралье, на Урале и в Сибири. Коллективное прозвище *ащеулы* сохранило единицу, ранее, видимо, довольно широко представленную в пермских говорах, о чем свидетельствуют пометы в [СРНГ] и наличие в [КСРГСПК] единиц *ощаул, ощаульник*.

Представлены в коллективных прозвищах и указания на особенности поведения жителей некоторых населенных пунктов, в частности на проявления

физической силы и даже агрессии. Так, жителей д. Данилова Гайнского р-на называли *даниловскими казакáми* за то, что «...они дракуны каки-то, плохие люди они... забияки каки-то» (пос. Гайны) [ДАКТиПЯ]. Жители д. Морозково Суксунского р-на получили прозвище *чекмарí*: «...на кулачках дрались, сильные всех были, они всех перебарчивали, перебивали» [СКП, 360]. *Чекмарём* в пермских говорах называют инструмент для битья печи, чаще в виде большого деревянного молотка: «Были щекмари, как молот деревянный, одна широкая сторона, другая сужается. Пока широко, бьёшь широким концом, как начинает сужаться, переворачиваешь узкой стороной» (Ел., Дуброво) [СРГЮП, 3, 305]. Видимо, прозвище является метафорическим обозначением кулаков мужчин д. Морозково, которые участвовали в кулачных боях и демонстрировали в них свою физическую силу и превосходство над соперником.

В. Н. Серебренников характеризует жителей заводов, заводских поселений Урала как *головорезов*: «Заводские — головорезы» [Серебренников, 1927, 176].

Фиксируются в коллективных прозвищах и особенности речевого поведения. Например, жители с. Андреевка Оханского р-на получили прозвища *краснобаи* и *красноязыкие*: «Андреевцы — граушина, краснобаи, красноязыкие» [Серебренников, 1927, 176]. Внутренняя форма единиц указывает на склонность жителей этого села к многословию. Мужчины д. Осиновка Дубровской вол. (совр. Оханский р-н) получили прозвище *широкорóтые мужикí* [Там же, 177], скорее всего, за громкость речи, крикливость.

3. Довольно хорошо отражены в прозвищах **особенности пермской диалектной речи**, которые фиксируются, как правило, со стороны — именно во «внешних» прозвищах отмечены характерные фонетические отличия соседей. Например, жителей д. Емаш-Павлово Чернушинского р-на соседи звали *щebaкáми* за отсутствие затвора в звуке [ч], который они произносили как [щ]: «Вот про емашинских говорили: “Щё пощём? — Да по копеечке”. Вот их и звали щebaками» (Черн., Трушники) [СРГЮП, 3, 414]; а жителей с. Молёбка и Молёбского завода Кишертского р-на прозвали *чебакáми* за отсутствие такой произносительной особенности — за то, что они «чёкали»: «Раньше звали чебаки, крестьяне, молёбцев, нас. “Чё да почему”, — говорят молёбские» (Киш., Молёбка) [АПМПФИЦ]. Еще одна фонетическая диалектная черта связана с тем, что коми-пермяки, коми-язьвинцы (и даже русские, проживающие в Коми-Пермяцком округе) в своей русской речи не произносили звука [х], заменяя его артикуляционно близким звуком [к], потому что в коми языках не было звуков [х], [ф] и [ц]. Поэтому в алфавитах коми языков досоветской эпохи отсутствовали буквы, обозначающие данные звуки. Современный алфавит для коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, введенный в 1938 г., конечно, содержит эти буквы русского алфавита, однако в диалектной речи в исконных словах звук [х] до сих пор может отсутствовать, о чем свидетельствует прозвище *букáнки*, которое получили жители с. Верх-Язьва Красновишерского р-на, являвшиеся в прошлом (и сейчас отчасти)

представителями коми-язьвинского народа: «Верхъязьвинцев ишо пестерями да буканками звали» (Краснов., Акчим) [АС, 1, 98].

Отражаются в коллективных прозвищах и другие характеристики речи, например ее быстрый темп и особая интонация, которые мешали пониманию такой речи. Жителей с. Сыпучи Красновишерского р-на прозвали *бурáми*, объясняя это так: «Сыпучане всё бур-бур-бур! Бурами зовут» (Краснов., Акчим) [АС, 5, 169]; «В Сыпучах прозвали целое село, сыпучан прозвали буры. “Вот поехали буры опять”, — говорят. Говорят быстро, но непонятно» (Краснов., Акчим) [СРГСПК, 1, 168]. Прозвище *буры* образовано на основе звукоизобразительного *бур-бур-бур*, передающего быструю, невнятную речь. Поскольку непонятная речь ассоциировалась с речью иностранной, жителей этого населенного пункта прозвали также созвучным с междометием *бур-бур-бур* словом *бурята*: «Бурята — все из Сыпучей. Это их так ругали: бурьямя, бурятами — сыпучан» (Краснов., Акчим); «Жителей Сыпучей называют бурятами. И они дак сами себя называют» (Краснов., Писаное) [Там же]. Кроме этих прозвищ, жители данного села получили ассоциативно связанное с *бурятами* название *монголы*: «В Сыпучах монголы их зовут» (Краснов., Акчим) [Там же, 30].

Добавим к сказанному, что отличия речи соседей, незнакомых (или даже знакомых) людей быстро фиксируются сознанием и языком и находят отражение не только в коллективных прозвищах, но и в апеллятивных диалектных единицах. Например, в акчимском говоре существует ряд единиц с корнем *че(у)вык-* (*чевыкáть*, *чувыкáть*, *чевыкúнья*, *начевы́кивать*), которые характеризуют речь, отличную от местной, или человека, говорящего отличным от акчимеров образом: «Не успела куда-то съездить — уже чевыкать стала!»; «А говорю просто, а Вы чевыкаите — значит, образованная» [АС, 6, 163].

4. Богато представлены в прозвищах указания на **пищевые привычки, кулинарные отличия** жителей разных территорий Пермского края. Такие прозвища составляют большую часть зафиксированных единиц. Материалы позволяют говорить об отражении в прозвищах названий таких блюд и напитков, которые были характерны для исконных жителей края, и таких, которые приписывались переселенцам.

Мотивирующими для прозвищ становятся обозначения овощей, которые выращивали и употребляли в пищу пермяки, и блюд растительного происхождения. Например, жителей г. Оханск, д. Пож Юрлинского р-на называли *капустниками*: «Оханцы — гребенщинки, капустники»; «... в Оханске в солдатах служил: коз гонял, капусту караулил» [Серебренников, 1927, 176]; «Пожинцев называли капустниками, булдыревцев — шомшедами, тиминцев — киселятами» [ЮК, 398]; жителей пос. Орёл Усольского р-на — *морковниками*: «Морковниками здесь людей зовут — раньше в Орле морковь хорошо росла» (Усол., Орёл) [СПГ, 1, 523]; «Жителей Орла морковниками звали вот почему: бабы садили морковь и делали из неё чай. Бурлаки брали этот чай с собой, они ведь до самого

Нижнего Новгорода ходили» (Усол., Орёл) [УД, 2018, 72]; жителей г. Усолье — *огуречниками*: «Усольцы — огуречники» [СКП, 240].

Пареные овощи (брюква, репа, морковь, свекла) или нарубленные овощи в собственном соку, подаваемые в качестве первого блюда, были излюбленным постным кушаньем жителей Пермского края: «Парёнки есть всякие. Репу на парёнки сушили: соломы в печку настелют, на солому репы накладывают вместе с корой и печку замажут, с утра до утра. А свёклу с водой в чугушке ставят в вольную печь на день» (Сол., Тюлькино) [СПГ, 2, 74]. Однако только жители Юрлинского р-на получили прозвище *парёнки*: «Щас вот тут у меня соседка нехорошая, юрлинская, юрлинская парёнка. У меня мужик юрлинский, тоже парёнка. А их так, юрлинских, зовут — парёнки» (пос. Гайны) [ДАКТиПЯ].

Еще одно блюдо, которое активно готовили и употребляли в пищу как коми-пермяки, так и русские, проживающие с ними по соседству, — это *шомша*. *Шомшей* называют вареные пиканы (в говорах Пермского края так обозначают различные съедобные зонтичные растения, чаще борщевик и сныть) с квасом: «Шомшу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделаешь, и вот» (Юрл., Пож) [СРГКПО, 267], — или квашеные пиканы: «Пиканы варили тоже. Да, ешо шомшу сделают да. Пиканы, их раньше ишо наберут, заправят всё, изрубят, оне чтоб не портились. А потом кислуха вот, смотри вот, старая деревенская кислуха (т. е. квас). Принесут вот блюдо, ну, литра полтора — на два, и вот эти пиканы туды-ко заложат. И называется шомша. Она даже нидили две. У кого погреба были дак, нидилю эта шомша-та стояла даже. Она под пеночкой сделатся, ой, какая! Ну, с квасом, кислухой, брагой ле. Она ходит, бродит. Вот это на Троицу делали» (Юрл., Осинка) [ДАКТиПЯ]. Указание на это блюдо, распространенное в основном на территории Коми-Пермяцкого округа, нашло отражение в прозвище *шомшееды*, которое получили жители д. Булдыри Юрлинского р-на: «Пожинцев называли капустниками, булдыревцев — шомшеедами, тиминцев — киселятами» [ЮК, 398].

Обилие грибов в лесу и их активное употребление в пищу, особенно в период поста, способствовало возникновению прозвища *губоеды*, которое закрепилось за жителями д. Салтаново Чердынского р-на: «...салтановцы — губоеды были» (Черд., Лызово) [КСРГСПК].

Еще одно постное блюдо, широко употребляемое в пищу жителями края, — это кисель из разных видов муки: гороховой, овсяной, ржаной [Зверева, 2014, 216]. Жители русских населенных пунктов Гайнского (с. Монастырь) и Юрлинского р-нов (д. Тимина) получили соответственно прозвания *кисельники*: «Монастырских кисельниками называли, потому что кисель ели много, все время варили, овсяный. У нас в Плёсе редко варили, все больше рожь сеяли, а в Монастыре овса много сеяли» (Гайн., Плесо) [МПИП] и *киселята*: «Пожинцев называли капустниками, булдыревцев — шомшеедами, тиминцев — киселятами» [ЮК, 398].

Нашли отражение в коллективных прозвищах и особенности выпечных изделий. Жителей с. Бияваш Октябрьского р-на называли *калдишниками*: «Раньше

в Бияваше ярмарки были, и тут калачи многие пекли, вот и зовут калашники» (Окт., Бияваш); «Биявашские — калашники, потому что они хлеб на базаре продавали» (Окт., Урмия) [СРГЮП, 1, 365]; жителей с. Покча Чердынского р-на — *ярушниками* (так в пермских говорах называют каравай, обычно вытянутой формы, изготовленный чаще из ржаной или ячменной муки [СПГ, 2, 573]): «Покчинцы — ярушники» (Черд., Лызово) [КСРГСПК]. Закрепленность прозвища *калашники* за жителями юга Пермского Прикамья, а *ярушники* — за «северянами», на наш взгляд, неслучайна. В данном случае «через кулинарный код эксплицируется оппозиция *бедный* — *богатый*» [Осипова, 2017, 96], маркируется употребление сдобного пшеничного хлеба и повседневного, простого — ржаного или ячменного. Известно, что юг Пермского края имеет более плодородные земли, чем север, кроме того, в силу вытянутости территории с севера на юг климат на юге мягче, а лето — длиннее. В связи с этим жители южной части края успешно занимались земледелием, а на севере края, в зоне тайги, гор и рек, были развиты охотничий и рыбный промыслы, земледелие в этой зоне было сопряжено с трудностями отвоевывания земли у леса и ее обработки.

К широко распространенной в крае пище относятся пельмени с разной начинкой (мясной, грибной, овощной), поэтому неудивительно, что эти кулинарные предпочтения нашли отражение в прозвище *пельмённики*, которое получили жители с. Кольчуг Чердынского р-на: «А вот кольчужанов называли пельменники» (Черд., Лёкмартово); «В каждой деревне была кличка. У нас пельменники... Пельмени которы стряпам, кушам за столом, и счас продают в магазинах. Не знаю, все ели пельмени» (Черд., Кольчуг) [КСРГСПК].

Представления о «рыбном» столе жителей края тоже отражены в прозвищах. В основном мотивация содержится в контексте, указывающем на ту или другую рыбу, которую ловят и употребляют в пищу. Например, жители некоторых населенных пунктов Красновишерского р-на получили прозвище *ельцы́* (*эльчики*), *хари́узы* (*хари́юскі́*, *хари́юски*): «Писанских называют ельцами, оне по Писаной ловят ельцов» (Краснов., Акчим) [АС, 1, 270]; «Талицкие? Ельчики. А рыбачили они всё время, ельцов ловили. Ельчики и зовут» (Красновишерск) [КСРГСПК]; «Ту деревню (Писаное) называли ельцами. А нашу деревню — кого увидят — харюсками. Акчимские харюски» (Краснов., Акчим); «Акчимские харьюски. Харьюсками прозвали» (Краснов., Акчим); «Мы уж, акчимски, хариузы так хариузы. Не отказываемса» (Краснов., Акчим) [СРГСПК, 1, 30]. Елец и хариус водятся обычно в чистых небольших реках с каменистым дном, которые богато представлены на северо-востоке края — особенно в Красновишерском районе. Кроме указания на вид рыбы, прозвище может содержать отсылку к способу ее приготовления. Например, на этой же территории бытует прозвище *вонькóй хари́ус*, который жители д. Писаное Красновишерского р-на получили, скорее всего, за особый, «с душком», вкус употребляемой ими в пищу рыбы: «Писанцы — ельцы, ишо вонькой хариус» (Краснов., Писаное) [СРГСПК, 1, 269]. Такую рыбу

не столько солили, сколько квасили. Исследователи говорят о том, что подобный способ приготовления мяса и рыбы русские заимствовали у коренных народов — коми, финнов, карелов и др. [Осипова, 2017, 94].

Мясо и мясные блюда практически не получили лингвистического отражения в коллективных прозвищах. Единственное исключение составляет единица *свинолу́пы*, обозначающая жителей д. Горка Куединского р-на: «В Горке свиной всегда много держали, так и прозвали их свинолу́пы» (Куед., Урталга) [АПМПФИЦ]. Зафиксировано еще прозвище *быкоёды* — именно так называли когда-то жителей с. Ныроб Чердынского у. Пермской губ. В [СРНГ, 3, 344] зафиксирован такой контекст, датированный 1930 г.: «По преданию, ныробцы триста лет тому назад придерживались языческих обычаев, устраивали празднества, на которых убивали быков, мясо варили в чанах и “скопом” на площади поедали, за что до сих пор их зовут быкоедами». В современных диалектных записях такого прозвища уже нет, оно по своей мотивировке вероятнее относится к ситуативным названиям.

Скорее отрицательно маркируется употребление мяса в пищу с помощью коллективного прозвища *векшеёды* (*векшаёды*), широко распространенного в крае (особенно в северной, лесной зоне — Гайнском, Чердынском, Усольском р-нах) и входящего иногда в сочетание с оттопонимическими наименованиями: «Мы векшаеды гайнские... Этот, плыл на камне по Каме. Как называют? Пера-богатырь. Он жо у нас плыл по Каме. Он хотел пристать, а люди наши его камнями забросали. И он обозвал, говорит: “Векшаеды! Оставайтесь векшаедами”» (пос. Гайны) [ДАКТиПЯ]. Мясо белки, как правило, не использовали в пищу, она представляла промысловый интерес в основном с точки зрения ценности меха, и контексты указывают на то, что белка была объектом охоты: «Векшоeдами звали жителей Усть-Кондаса [Усольского р-на], они, говорят, хорошими охотниками были» (Усол., Орёл) [УД, 2018, 71]. Мы склонны согласиться с мнением К. В. Осиповой, которая говорит о перенесении прозвища *векшееды* с наименования профессиональной группы (охотники на белок) на обозначение жителей определенной территории. Автор приходит к выводу о том, что «через “пищевые” мотивировки можно определить род занятий человека или социально-территориальной группы» [Осипова, 2017, 99, 100].

Мотивационные контексты указывают также на употребление пенных напитков, распространенных в Пермском крае. Например, жителей с. Трушники Чернушинского р-на (в прошлом заселенного выходцами из Чердынского р-на) называли *бра́жниками*: «В Трушниках бражники, овсяную брагу варят, чердаки. А здесь не умеют. Здесь водохлёбы, так как чай больше пьют» (Черн., Емаш-Павлово) [СРГЮП, 1, 74]. Прозвище *бра́жники* получили также жители д. Кордон Октябрьского р-на, являвшиеся выходцами из Оханского р-на: «Кордон — оханы, из Оханского района они, бражники» (Окт., Урмия) [АПМПФИЦ]. Как видно из примеров, данное прозвище получают потомки переселенцев

из других районов края, сохранившие гастрономические традиции материнской культуры. Именно отличие этих коллективов людей от окружающего их населения и послужило толчком к образованию и бытованию данного прозвища, а также других — противопоставленных ему — *водохлёбы*, *водохлёбцы*, которые являются членом пищевой оппозиции «вода, квас — брага»: «...емашенец — водохлёбец. Емашенские — водохлёбы. Там они брагу опять варили, раньше варили и сейчас даже варят которые, брагу овсяную, вкусную, а емашенские только квас варили да воду пили, то и водохлёбы» (Черн., Емаш-Павлово) [СРГЮП, 1, 130]. Привычка пить воду намекает на бедность [Осипова, 2017, 92]. Данный мотив может трансформироваться в отрицательном ключе и привести к употреблению прозвища *водохлёбы* в качестве бранного слова: «Плохой народ, водохлёбы пянтежские. Всё на замках сидят да на крючках, к им не заберёшься, не поговоришь» (Черд., Пянтер) [СРГСПК, 1, 253].

Однако «водный» мотив может иметь и совершенно не гастрономическое развитие. Так, жители пос. Лёнва Усольского р-на получили прозвище *водохлёбы*, потому что в населенном пункте исчез пруд (в основе образа лежит тот же процесс «выхлебывания», уничтожения воды): «А вот был раньше красивый пруд [в Лёнве], за ним перестали смотреть, пруд-то то ли пересох, то ли затянуло его — вот и назвали водохлёбами» [УД, 2018, 71].

Неисконные жители Пермского края, когда-то перевезенные или приехавшие на территорию Верхнего и Среднего Прикамья, получили прозвища, отражающие «иные» вкусовые предпочтения, — по этому признаку жители некоторых населенных пунктов противопоставляются коренным пермякам. Однако таких примеров очень мало. Можно привести прозвище *борховщинники*, которое носят жители дд. Искильда и Дубовая Гора Куединского р-на: «Дубовая Гора из-под Горького. Галушками мы их звали, а они нас похлёбьшниками. Ещё их звали борховшинники. Борховщина — желудок у скотины» (Куед., Дубовая Гора) [АППМФИЦ]. В контексте указано, что *борховщиной* называется желудок скота. Скорее всего, жители материнской территории употребляли его в пищу.

5. Получают отражение в коллективных прозвищах и представления о **традиционном костюме**, характерном для жителей той или иной территории Пермского края. Назовем несколько единиц, мотивированных названиями одежды, обуви и головных уборов. Жителей д. Усть-Уролка Чердынского р-на прозвали *белощтанниками* за то, что «в старину мужчины этой деревни ходили в некрашенных белых холщовых штанах» [Подюков, 1998]. Жители д. Бурьловка Березовского р-на получили прозвище *долгозипунники*: «Деревня Бурьлово — там опять их называли долгозипунники, они вместо шуб зипуны носили» (Бер., Березовка) [СРГЮП, 1, 239–240]. Жители д. Воронья Красновишерского р-на имели прозвище *лямки*. Правда, контекст только намекает на «одежную» мотивацию: «Ну вот воронинских, я помню, ещё звали воронински лямки. Ну, видимо, чё-то одежда какая-то была у них своя» (Красновишерск) [КСРГСПК]. Жителей д. Лёкмартово

Чердынского р-на называли *галóшниками*: «Лёкмортово — голошники. Оне любили в праздник хромовы сапоги надевать с голошами» (Черд., Редикор) [КСРГСПК]. Жители коми-пермяцких деревень Косинского р-на получили прозвище *ла́пти*: «А косинских как называли? Вот называли косинские лапти или как, не знаю» (пос. Гайны) [ДАКТиПЯ]. На наш взгляд, в паре прозвищ *галoшники* — *лапти* противопоставляются признаки «богатый — бедный». Жителей с. Юрла Юрлинского р-на называли *рогáтыми* из-за особенностей традиционного головного убора — рогатого кокошника [СРГКПО, 25]. Такой головной убор представлял собой матерчатую шапочку с гребнем — невысокой твердой передней деталью, которая имела выступающие углом боковые части [ТСЛО, 229]. Название другого головного убора замужних женщин — шашмуры — стало мотиватором коллективного прозвища *шашмурники*: «Гаревские — шашмурники» [Серебренников, 1927, 177].

6. Коллективные прозвища указывают на **занятия, ремесла** жителей Пермского края. В традиционном обществе существовало своеобразное «разделение труда». Жители разных деревень специализировались на производстве разных предметов крестьянского хозяйства: посуды, утвари, обуви и т. п. Одной из самых востребованных была гончарная профессия, которой владело население целых деревень: жители Чердынского, Красновишерского р-нов получили прозвище *горшкí* (*заболóтненские*): «Они были горшечниками, гончарами. Они — горшки заболотненски» (Черд., Покча) [КСРГСПК], а жители д. Княжи Чердынского р-на, жители д. Шипицыно Гайнского р-на — *черепа́ны*: «Гончарный промысел был у них настолько развит, что некоторые мастера с гончарным кругом ходили по дальним деревням и там изготавливали разнообразную глиняную посуду» [Чагин, 1999, 120]; «В Шипицыно все посуду черепанили, из глины-то, так черепанами и прозывали всех» [СКП, 362].

Коллективные прозвища указывают и на другие ремесла. Жители с. Чусовской Городок Пермского у. Пермской губ. назывались *чеботаря́ми*: «Чусовляне — чеботари» [Даль, 1957, 340]; жители г. Оханск — *гребени́чка́ми*: «Оханцы — гребенщики, капустники» [Серебренников, 1927, 176].

Отмечены в прозвищах и типично крестьянские занятия. Например, жители с. Усть-Кондас Усольского р-на получили прозвище *хвостоло́мы*: «В Усть-Кондасе опять хвостоломами звали народ-то, все скотоводами были, когда корова идти не хочет, ей хвост заворачивали бараном» (Усол., Орёл) [УД, 2018, 71].

Кроме традиционных, характерных для крестьян ремесел и занятий, в коллективных прозвищах «озвучены» и другие виды деятельности жителей края. Например, некоторые жители старинного с. Покча Чердынского р-на являются потомками известных в прошлом купцов. Поэтому прозвище *тряпíчники*, *тряпíшники*, которое получили жители этого населенного пункта, кажется вполне закономерным: «А, Покчи дак? Тряпичники» (Черд., Вильгорт) [КСРГСПК]; «Село Покча издавна располагалось на транзитном торговом пути

из камского бассейна в Печорский и Вычегодский. В товарообороте купцов и мещан наибольшее место занимала мануфактура. Поэтому покчинцев стали звать тряпишниками» [Чагин, 1999, 120].

В коллективных прозвищах фиксируется еще один вид традиционных занятий — извоз и почтовая служба: так, жители с. Дуброво и д. Лариха Дубровской вол. (совр. Оханский р-н) получили прозвище *почтóвые ямцикí* [Серебренников, 1927, 177].

Особенности Уральского региона с его многочисленными горными заводами и заводскими поселками обусловили социальные и этнокультурные границы между заводским и сельским населением края, что нашло отражение в существовании коллективных прозвищ жителей горнозаводских поселений и соседнего крестьянского населения [Черных, 2021]. Например, такие прозвища, как *мешкí*, *сипы́*, *сипакí*, *крестья́на*, в речи заводских жителей Сылвенско-Иренского поречья использовались для характеристики соседнего крестьянского населения («Нас батутьники звали. Говор наш был — “сё посём”. А крестьяне были, их звали сипаки, они говорили — “чё почём”. Мы заводские считались» — Киш., Молёбка [АПМПФИЦ]), которое, в свою очередь, прозвища *завóдские*, *завóдщина* и др. использовало для обозначения жителей заводов: «Лапти у заводских тоже особые были от крестьян, вот Ашап-завод, лапти у них особые были. У крестьян по деревням всё особые лапти были, а в заводе другие» (Орд., Ашап) [АПМПФИЦ].

Более специфичными на этом фоне выглядят прозвища жителей с. Кува Кудымкарского р-на (в прошлом — Кувинского завода): *(кувíнский) швак (шлак)*, *(кувíнские) шва́ки (шла́ки)*, *(кувíнская) шваковíна (шлаковíна)*: «А было: кувинский швак. А потому что чугунно-литейный работал, а швак-то ведь возили. Вот шлаком и звали» (Кудымк., Кува); «Нас, кувинских, всех называют кувинские шваки, потому что в Куве был завод, кругом грязь. А тогда был швак, гольный швак. Швак — это как стекло. Поэтому и называют кувинская шваковина» (Кудымк., Кува) [АПМПФИЦ]. С одной стороны, эти прозвища отражают реальную картину заводской деятельности (шлак является остатком после выплавки металла из руды, а также от сжигания угля), с другой стороны, в прозвищах и контекстах явно содержится негативная оценка работы на заводе — она тяжелая, грязная.

С деятельностью горных заводов связано и прозвище *кучёно́жники*, которое получили жители д. Пеганово Суксунского р-на [СКП, 191]. *Кучёнками* в русских говорах юга Пермского края называют либо место, где жгли древесный уголь («Специальные кучёнки были — человек дежурит, где прогорит» — Кунг., Калинино [СРГЮП, 1, 453]), либо уложенные в штабель дрова для выжигания угля: «Кучёнки ладили — долгие такие дрова укладут и землёй засыплот» (Кунг., Ленск); «Вот кучёнок, дров напилишь, там троегулишники большие, и вот его кладешь так вот стойми, как стожок, большие, трехметровые. До того раскладешь эту кучу, высоко, там вот одно колено оставишь, это всё землей завалишь,

буквально всё. Сделаешь три дыры, окошечки, и вот туда, в окошечки эти, хвосту накладёшь, чтобы оно загорелось. И вот оно как затопишь, и чтобы дымок не вышел» (Окт., Лидино) [СРГЮП, 1, 453]. Фиксирует похожую единицу и [СРНГ, 16, 188]: урал. *кученёк* 'яма, в которой выжигают уголь' (1930). Древесный уголь на Урале был топливом для металлургической промышленности. Углежжение было «кучным», именно такой тип процесса представлен в приведенном выше контексте из [СРГЮП, 1, 453]. «Уральские углежоги <...> сформировались как особый отряд вспомогательных горнозаводских работников со своими трудовыми навыками и годовым циклом работ, культурной памятью и профессиональной гордостью, <...> с особым бытом, который в значительной степени определялся жизнью в сельской местности и все-таки не был вполне крестьянским» [Шкерин, 2018, 251].

Есть еще одна группа прозвищ, указывающих на весьма специфичный вид деятельности сельского населения севера Пермского края. Жителей д. Гари Чердынского р-на, д. Нижняя Бычина Красновишерского р-на называли *колдунáми*: «Деревня была Нижняя Бычина. Их колдунами звали. Там все были колдуны» (Краснов., Верх-Язьва) [КСРГСПК], а жителей Чердыни — *чёртовыми знахарями*: «Чердынцы — чёртовы знахари» [Зеленин, 1994, 58]. Стоит отметить, что такие прозвища возникли неслучайно. Результаты полевой работы пермских исследователей в Чердынском и Красновишерском р-нах Пермского края свидетельствуют о широком бытовании здесь представлений о колдовстве, знахарстве. [ЭСМРПК] содержит огромный пласт материалов, зафиксированных в этих районах.

7. В коллективных прозвищах Пермского Прикамья закрепились и представления о **социальном статусе** жителей разных населенных пунктов. В тех районах, где проходила граница между частновладельческими и государственными землями, между помещичьими и государственными крестьянами, сложились особые прозвища для названия жителей частновладельческих сел и деревень — *барóнские, барóнщина, ба́рские, ба́рщина, кня́жие*: «Пермь-Серьга — это баронщина. А у нас звали кунгурщина. Они говорят “сё, сё да сё”, а мы нормально говорим. У нас всё как-то другое...» (Кунг., Заспалово) [КСТ, 17]; «Барские были и в Анастасьино, но другого помещика, разговор у них был разный, по-русски, но больше акают» (Окт., Лидино); «Сюрка, Покровка, Вашутино — барщина, барин был. Шишма. А Дубовая Гора, оне к нам не подходят» (Куед., Куеда) [АПМПФИЦ]; «Беляевцы [жители с. Беляевка Оханского р-на] — княжие (бывшие крепостные Голицына)» [Серебренников, 1927, 177].

8. Можно обратить внимание на то, как коллективные прозвища выражают отношение населения края к **религии**. С одной стороны, жители регулярно посещали церковь и надевали для этого лучшую одежду. Жителей д. Сандияк Куединского р-на за такую религиозность прозвали *иерусали́мами*: «Сандиякские в церковь ходили, красные рубахи наденут, идут. Их иерусалимами звали. О,

иерусалимы идут!» (Куед., Урталга) [АПМПФИЦ]. С другой стороны, зафиксировано прозвище жителей д. Бор Суксунского р-на — *лешачáта*: «Когда ишло поп был, они попа выгнали из дому. Так народ и зовёт их лешачатами» [СКП, 200]. Вероятно, можно говорить о ситуативности такого прозвища и отметить, что в нем отражено отношение не к религии в целом, а к конкретному священнослужителю.

9. Коллективные прозвища могут указывать на **географические особенности места жительства, а также на его климатические характеристики**. Например, жителей ряда населенных пунктов Усольского р-на (пос. Лёнва и д. Балахонцы) прозвали соответственно *мокрогузами* и *мокроподольниками* за то, что в период весеннего подъема воды они страдали от подтопления: «Мокрогузами звали жителей села Лёнва, их топило постоянно» (Усол., Орёл); «Вот по ту сторону было Легино, вот возле него Балахонцы, что ли, вот тех мокроподольниками звали, потому что их каждую весну затопляло. Как весной вода разольётся, они все плавают» (Усол., Орёл) [УД, 2018, 72]. Жители д. Зоново Еловского р-на получили прозвище *подеры́*: «Зоновских, из д. Зоново, называли подеры — это сильная метель — ветер со снегом дул всегда со стороны Зоново» (Ел., Дуброво) [АПМПФИЦ]. В контексте отмечается «метеорологическая» мотивация данного названия.

10. Особенности заселения Пермского края русскими тоже получили отражение в коллективных прозвищах. Миграционная история изучаемой территории включает как переселение в край русских из других регионов (прежде всего помещичьих крестьян), так и перемещения внутри края. Прозвища содержат этнографически значимую информацию прежде всего о тех, кто прибыл издалека. Например, жители д. Дубовая Гора Куединского р-на получили прозвище *иностранцы* за яркие речевые отличия, отчетливо выделявшие их в среде исконных жителей территории: «Ну вот этих, дубогоров, прозывали, ну как прозвище, иностранцами. [А почему так называли?] Ну, вот эти деревни Покровка, Суюрка, Искильда, Дубовая Гора, они же ведь переселенцы с Центральной России, и причём с разных мест, не с одной области, а с разных. И говор разный. Вот в Искильде, в Дубовой Горе у них говор как у горьковских. [Они акают?] Да. [Потому их прозвали иностранцами?] Да, это было. Вот когда пойдёшь туда вот, придём в соседнюю деревню, начнёшь обнимать девчущку: “Ой, цы якый процывной”» (Куед., Аряж) [ДАКТиПЯ]. Жителей д. Ванчики Чайковского р-на называли *хохлы́*. Среди основателей этой деревни были выходцы из Курской губернии, чьи языковые особенности (например, произношение [γ], южнорусская лексика, интонация) в сознании коренных пермяков сближались с языковыми особенностями украинцев: «Хохлы жили. Я в Ванчики выходила. Там жила тоже. А как их помещик привёз сюда, выменял» (Чайк., Завод Михайловский) [АПМПФИЦ].

Жители нескольких деревень Сивинского р-на, чьи предки были переселенцами из Могилевской губернии, назывались *могули́*, *могили́*. Контексты содержат

указание как на место прежнего жительства *могулей*, так и на их непохожесть на местных: «Кто вот приехали, звать могулями. Это что они из Могулевской области приехали» (Сив., Северный Коммунар); «У нас даже отец вот когда жил, всегда говорил: “О, могулька”. Могули — это белорусское чисто, могули» (Сив., Северный Коммунар); «Здесьние по-своему поют, могули по-своему тянут» (Сив., Диево) [АПМПФИЦ].

Отмечались в прозвищах и этнографические отличия бывших переселенцев из соседних губерний. В частности, в крае широко распространено прозвище *вятские*, которое получили жители южных районов Пермского края (Октябрьского, Чернушинского и др.), чьи предки когда-то переселились в Пермское Прикамье из Вятской губ.: «Анастасьино — там вятские» (Черн., Ореховая Гора); «Мы здесь вятские, и родители вятские, все, все — вятские» (Окт., Лидино) [АПМПФИЦ].

Противопоставление бытовых и культурных особенностей жителей севера и юга края проявляется и в наличии прозвища *чердаки*, которое получили жители ряда деревень южных районов Пермского края, основанных переселенцами из Чердынского — северного — уезда Пермской губ.: «Чердаки — бражники, у нас больше чай тут пьют» (Черн., Трун); «В Трушниках бражники, овсяную брагу варят, чердаки» (Черн., Емаш-Павлово) [СРГЮП, 3, 346]; «Переселились с Чердыни — чердаки, пермяки» (Черн., Есаул) [АПМПФИЦ].

11. Встречаются среди зафиксированных и **ситуативные** прозвища, появившиеся благодаря случаю. Например, жители д. Амбор Чердынского р-на получили неблагозвучное прозвище *пи*домáзы*: «Долдинцев звали векшаеды. А Амборских — пи*домазы. [Почему?] Раньше в царскую армию набирали лошадей. А у хозяина хорошую кобылу отдать не дело. Он взял яйца, набил и ей в зад натолкал. Те пришли, у неё гной идёт из задницы, её не взяли» (Черд., Амбор) [АПМПФИЦ]. Можно привести еще один пример ситуативного прозвища — *самосуды*, которое дали жителям с. Советная Суксунского р-на: «Нас чё и самосудами зовут — потому что раньше жил-был богатый какой-то, всё на ём богатое было. Шёлкова плётка на ём как огонь горела. Богатый человек какой-то ехал или какой-то генерал. Он помахивался плёточкой, раз богатой. А эти советяна набежали, его избил всего. Вот и назвали нас мятежниками. Вот чем эти советяна и прославились» (Сукс., Советная) [СРГЮП, 3, 68].

* * *

Таким образом, коллективные прозвища представляются важным источником в контексте не только изучения языка, но и этнокультурных особенностей Пермского края. Они являются маркерами этнокультурных и социальных границ, отражают особенности локальной идентичности и создают уникальный этнолингвистический ландшафт региона.

Источники

- АПМПФИЦ — архив полевых материалов Пермского федерального исследовательского центра (Пермь).
- АС — Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области : в 6 вып. / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Перм. ун-т, 1984–2011.
- Боброва М. В.* Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края. СПб. : Изд-во РХГА, 2020.
- Гладких А. Н.* Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 10. С. 1–75.
- ДАКТИПЯ — диалектологический архив кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь).
- Даль В. И.* Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М. : Изд. имп. о-ва истории древностей Российских при Моск. ун-те, 1862.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа : сб. М. : Изд-во худож. лит., 1957.
- Зеленин Д. К.* Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904.
- Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре (1901–1913). М. : Индрик, 1994. С. 59–104.
- Зырянов А. Н.* Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми, составленные в 1855 г. // Пермские губернские ведомости. 1856. № 12. С. 51.
- КСРГСПК — картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета).
- КСТ — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.* «В каждой деревне чё-то да разное»: Из кунгурской семейной традиции (XX век). Пермь : Тип. купца Тарасова, 2007.
- МПИП — материалы полевых исследований И. А. Подюкова.
- Подюков И. А.* Лингвистическое краеведение в школе : учеб. пособие. Пермь : [б. и.], 1998.
- Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение : учеб. пособие для школьников / В. И. Шенкман, И. И. Русинова, А. В. Черных и др. Пермь : Изд-во Перм. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2003.
- Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение : учеб. пособие для школьников / В. И. Шенкман, И. И. Русинова, А. В. Черных и др. Пермь : Книжный мир, 2004.
- Серебренников В. Н.* О народных присловьях // Пермский краеведческий выпуск. 1926. Вып. 2. С. 176–177.
- СКП — *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : ПОНИЦАА, 2006.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь : Перм. ун-т, 2011–. Вып. 1–.
- СРГЮП — *Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ТСЛО — *Зверева Ю. В., Русинова И. И., Черных А. В.* Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. СПб.: Маматов, 2019.
- УД, 2004 — *Подюков И. А., Белавин А. М., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX — XX в. Усолье; Соликамск; Березники: Перм. кн. изд-во: Тип. купца Тарасова, 2004.
- УД, 2018 — Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX — XX в. 2-е изд., доп. и перераб. / А. М. Белавин, Ю. В. Бушмакина, Н. Б. Крыласова и др.; науч. ред. И. А. Подюков. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2018.
- ФСПГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- ЭСМРПК — *Русинова И. И., Черных А. В., Шумов К. Э., Королёва С. Ю.* Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / отв. ред. И. И. Русинова. СПб.: Маматов, 2019.
- ЮК — *Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX — XX в.: материалы и исслед. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003.

Исследования

- Блажес В. П.* Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах русского фольклора Урала // П. И. Чайковский и Урал / сост. Б. Я. Аншаков, П. Е. Вайдман. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 91–99.
- Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.
- Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища жителей восточного Вологодско-Костромского пограничья: материалы к словарю // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 128–149.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск: Правда Севера, 2004.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2005.
- Зверева Ю. В.* Лексика питания в пермских говорах: продукты растительного происхождения // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Пермь, 15 апреля 2014 г.) / отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. С. 215–222.
- Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М.: ПФОП, 2006.
- Карташова И. Ю.* Прозвища-присловья в русском фольклоре // Современный фольклор старых заводов / отв. ред. В. П. Кругляшова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 141–153.
- Макарова А. А., Попова Ю. Б.* Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 30–46. https://doi.org/10.15826/vorq_onom.2020.17.1.002
- Макарова А. А., Чекан К. О.* Коллективные прозвища жителей Онежского района Архангельской области // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 16–19.

- Осипова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 1. С. 87–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005
- Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999.
- Чагин Г. Н.* Исторические знания народов Урала в XIX — начале XXI века. Екатеринбург : Сократ, 2011.
- Черных А. В.* Уральские заводы: этнокультурные границы и особенности идентичности // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А. В. Головнев. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 138–151.
- Шкерин В. А.* Горнозаводское углежжение в памяти потомков южноуральских углежогов (по полевым материалам) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.) : в 2 т. / отв. ред. Е. Ю. Рукосуев. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 250–259.

Рукопись поступила в редакцию 05.09.2022

Рукопись принята к печати 11.11.2022

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях диалектов русского языка

костр.	костромские	урал.	уральские
--------	-------------	-------	-----------

В названиях районов Пермского края

Бер.	Березовский	Сив.	Сивинский
Гайн.	Гайнский	Сол.	Соликамский
Ел.	Еловский	Сукс.	Суксунский
Киш.	Кишертский	Уинск.	Уинский
Краснов.	Красновишерский	Усол.	Усольский
Кудымк.	Кудымкарский	Чайк.	Чайковский
Куед.	Куединский	Черд.	Чердынский
Кунг.	Кунгурский	Черн.	Чернушинский
Окт.	Октябрьский	Юрл.	Юрлинский
Перм.	Пермский		

* * *

Русинова Ирина Ивановна

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН
614900, Пермь, ул. Ленина, 13а
E-mail: irusinova@mail.ru

Черных Александр Васильевич

доктор исторических наук, член-
корреспондент РАН, главный научный
сотрудник
Института гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН
614900, Пермь, ул. Ленина, 13а
E-mail: atschernych@yandex.ru

Rusinova, Irina Ivanovna

DrHab, Senior Researcher
Institute for the Humanities
Perm Federal Research Center of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
13a, Lenina Str., 614900 Perm, Russia
Email: irusinova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

Chernykh, Alexander Vasilievich

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Chief Research Fellow
Institute for the Humanities
Perm Federal Research Center of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
13a, Lenina Str., 614900 Perm, Russia
Email: atschernych@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

Irina I. Rusinova
Alexander V. Chernykh

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS
Perm, Russia

COLLECTIVE NICKNAMES OF THE PERM REGION RESIDENTS

The article is the first part of the collaborative work studying Russian collective nicknames of the modern Perm Region. It aims to systematize the materials, analyze regional historiographical heritage and the sources of the studied units, explore the semantic features of collective nicknames in the region. The history of collection, publication, and research of collective nicknames of the Kama River area started in the 19th century when they were first mentioned in ethnographic descriptions. The first list of collective nicknames of more than forty units was published in 1927 by a famous Perm folklorist Valentin N. Serebrennikov. In the late 20th — early 21st centuries, intensive fieldwork of dialectologists, ethnographers and folklorists of Perm universities resulted in collecting a rich scope of materials on local nicknames which paved the way for their scholarly interpretation. The study of collective nicknames of the Kama River area showed their uneven distribution in the region. That was caused by both the specificity of field studies and the peculiarities of the region's settlement by the Russians. Nowadays, the most numerous data on collective nicknames of the Kama River area are collected on the territory of the old-timers' subdialects historically linked to the Russian North and in southern territories of later settlement. The authors substantiate that collective nicknames are a valuable source for the study of ethno-cultural specificity of the region. These units reflect different features of territorial groups among the local population: traits of character and

behavior, specificity of Perm dialect speech, food preferences, cooking styles and the specificity of traditional costume, occupations, crafts, social status of the residents of various settlements, geographical and climate characteristics of the place, and migration history. Thus, the article shows that the studied anthroponymic units reflect the specificity of local identity and create the unique ethno-linguistic landscape of the Perm Region.

К е у о r d s: Russian language; Russian subdialects of the Perm Region; anthroponymy; collective nicknames; local identity; onomastic lexicography; ethnolinguistics

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation (grant 19-18-00117 *Traditional Russian Culture in the Areas of Active Interethnic Contacts between the Urals and the Volga Region*).

- Blazhes, V. P. (1983). Kollektivnye prozvischcha i etnicheskie epitety v zhanrakh russkogo fol'klora Urala [Collective Nicknames and Ethnic Epithets in the Genres of Russian Folklore of the Urals]. In B. Ya. Anshakov, & P. E. Vaidman (Eds.), *P. I. Chaikovskii i Ural* [Piotr Tchaikovsky and the Urals] (pp. 91–99). Izhevsk: Udmurtiia.
- Chagin, G. N. (1999). *Istoriia v pamiati russkikh krest'ian Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX v* [History in the Memory of Russian Peasants of the Middle Urals in the Mid 19th — Early 20th Centuries]. Perm: Perm University Press.
- Chagin, G. N. (2011). *Istoricheskie znaniia narodov Urala v XIX — nachale XXI veka* [Historical Knowledge of the Peoples of the Urals in the 19th — Early 20th Centuries]. Ekaterinburg: Sokrat.
- Chernykh, A. V. (2021). Ural'skie zavody: etnokul'turnye granitsy i osobennosti identichnosti [Ural Factories: Ethno-cultural Boundaries and Identity Features]. In A. V. Golovnev (Ed.), *Antropologiya i etnologiya: sovremennyi vzgliad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View] (pp. 138–151). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Drannikova, N. V. (2004). *Lokal'no-grupповые prozvischcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia priroda, etnopoetika* [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North. Functionality, Genre, Ethnopoetics]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
- Drannikova, N. V. (2005). *Lokal'no-grupповые prozvischcha v traditsionnoi kul'ture: funktsional'nost', zhanrovaia sistema, etnopoetika* [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North. Functionality, Genre, Ethnopoetics] (Doctoral dissertation). Lomonosov Pomor State University, Arkhangelsk.
- Kalutskov, V. N., & Ivanova, A. A. (2006). *Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii* [Geographic Songs in the Traditional Cultural Landscape of Russia]. Moscow: PFOP.
- Kartashova, I. Yu. (1984). Prozvischcha-prislov'ia v russkom fol'klоре [Nicknames-Bywords in Russian Folklore]. In V. P. Kruglyashova (Ed.), *Sovremenniy fol'klор starykh zavodov* [Modern Folklore of the Old Factories] (pp. 141–153). Sverdlovsk: Ural University Press.
- Makarova, A. A., & Chekan, K. O. (2019). Kollektivnye prozvischcha zhitelei Onezhskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti [Collective Nicknames of the Inhabitants of the Onega District of the Arkhangelsk Region]. *Zhivaia starina*, 3 (103), 16–19.
- Makarova, A. A., & Popova, Yu. B. (2020). Zoomorfnaia model' v kollektivnykh prozvischchakh zhitelei Russkogo Severa [Zoomorphic Pattern in Collective Nicknames among the Residents of the Russian North]. *Voprosy onomastiki*, 17(1), 30–46. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002

- Osipova, K. V. (2017). Dialektnye prozvischcha Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvanii pishchi: etnolingvističeskii aspekt [Dialect Nicknames of the Russian North Derived from Food Names: Ethnolinguistic Aspect]. *Voprosy onomastiki*, 14(1), 87–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005
- Shkerin, V. A. (2018). Gornozavodskoe uglezhzhenie v pamiati potomkov iuzhnoural'skikh uglezhogov (po polevym materialam) [Metallurgical Charcoal Burning in the Memory of the Descendants of South Ural Charcoal Burners (Based on Field Data)]. In E. Yu. Rukosuev (Ed.), *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia. Industrial'naia modernizatsiia Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vseros. nauch. konf. (Ekaterinburg, 18–19 oktiabria 2018 g.)* [Industrial Ural. Bakunin Readings. Industrial Modernization of Russia in the 18th–21st Centuries. Proceedings of the 8th All-Russian Conference (Ekaterinburg, October 18–19, 2018)] (Vol. 1, pp. 250–259). Ekaterinburg: UrO RAN.
- Vorontsova, Yu. B. (2002). *Kollektivnye prozvischcha v russkikh govorakh* [Collective Nicknames in Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Vorontsova, Yu. B. (2014). Kollektivnye prozvischcha zhitelei vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia: materialy k slovari [Collective Nicknames of the Residents of the Eastern Vologda-Kostroma Borderland: Materials for the Dictionary]. *Voprosy onomastiki*, 1(16), 128–149.
- Zvereva, Yu. V. (2014). Leksika pitaniia v permskikh govorakh: produkty rastitel'nogo proiskhozhdeniia [Food Vocabulary in Perm Dialects: Products of Plant Origin]. In N. V. Solovyeva, & I. I. Rusinova (Eds.), *Filologiiia v XXI veke: metody, problemy, idei : materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. (Perm', 15 apreliia 2014 g.)* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas. Proceedings of the 2nd All-Russia Conference (Perm, April 15, 2014)] (pp. 215–222). Perm: PGNIU.

Received on 5 September 2022

Accepted on 11 November 2022